

Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии)

Ирина Пушкарёва, Наталья Пушкарёва

**The women's movement in the socio-political life of Russia in 1914–1917:
some conclusions from the Soviet historiography**

*Irina Pushkareva (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow),*

*Natalia Pushkareva (Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Сегодня к истории Великой российской революции 1917–1922 гг. обращаются многие исследователи. Одни из них видят Россию среди великих держав XX в., другие замечают в ней «взрывчатую смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании», приведших в феврале 1917 г. к трагическому финалу¹. Но редко российские учёные признают необходимость включения в историю революции фактов, связанных с общественно-политической активностью представительниц средних городских слоёв. Между тем наши коллеги из США и Западной Европы, всегда умевшие найти «белые пятна» в описании российской истории, уже не первый год напоминают: у столь выдающегося события прошлого, как революция 1917 г. в России было и «женское лицо»².

Имеющиеся и в отечественной, и в зарубежной историографии труды о политическом участии женщин в событиях революции 1917 г. пока практически не учтены создателями обобщающих работ, учебников, энциклопедий и словарей. Поскольку «женский фермент» (используем известную терминологию классика) в истории позволяет воспроизвести её значительно объёмнее, нам представляется важным обозначить те проблемы и факты, к которым прошлое женской общественно-политической активности имеет прямое отношение.

«Женская история» России с начала Первой мировой войны до Октябрьского переворота глазами некоторых российских и зарубежных исследователей

Как предмет исследования женская история долгие десятилетия вызывала то сомнения в правомерности отдельного существования, то даже скрытое

© 2017 г. И.М. Пушкарёва, Н.Л. Пушкарёва

Исследование выполнено при поддержке ПФИ РАН и РФФИ, грант № 16-01-00136.

¹ Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 12–14; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 572.

² Ростова Н. Революция с женским лицом. Интервью «Радио “Свобода”» проф. А. Линдермайер (URL: <http://www.svoboda.org/a/28384248.htm>).

противодействие. Считалось, что она не востребована обществом, поскольку «впервые в мире все права и свободы женщинам дал Великий Октябрь»³. Такое представление не изменилось даже во время политической «оттепели», ставшее периодом «актуализации революционного мифа»⁴; в выходивших тогда работах подчёркивалась лишь женская помощь в реализации большевистских идеалов.

И всё же именно в начале 1960-х гг. в СССР увидели свет первые исследования, связанные с участием женщин в революции. Кроме публикации документов о Международном женском социалистическом движении, где, по сути, было представлено и его российское направление⁵, появилась книга Э.Н. Бурджалова⁶, положительно оценённая общественно-политическим журналом «Новый мир», — о февральских событиях в Петрограде. По мнению ленинградских историков-рецензентов, автор впервые охарактеризовал начало революции 1917 г. не как «творчество» политиков, а движение масс, инициаторами которого стали женщины, возмущённые перебоями в продовольственном снабжении столицы. Хотя про их участие в «хлебных бунтах» было известно и ранее⁷, но именно Бурджалов одним из первых обратил внимание на женщин как «застрельщиц беспорядков».

По-иному виделся историкам и финал российской буржуазной демократии в октябре 1917 г., поскольку женский батальон, охранявший Зимний дворец и Временное правительство, как выяснил, например, Х.М. Астрахан⁸ в начале 1960-х гг., состоял из «простых учительниц, гувернанток, портних». К подобным публикациям руководящие партийные органы относились тогда настороженно, хотя исследователь и настаивал на том, что защитницы Зимнего были «втянуты в политику», будучи «обманутыми буржуазной пропагандой».

До реабилитации (хотя бы частичной) феминизма как движения и политической теории было ещё очень далеко. В СССР западный феминизм считался направлением буржуазной общественно-политической мысли, нацеленным на обособление женщин в их борьбе за равноправие. Участие же либеральных женских организаций в протестном движении начала XX в. «при сохранении основ капиталистического строя» определялось как враждебное революционному пролетариату. «Стремясь упрочить власть эксплуататоров, буржуазные феминистки, — отмечалось в одной из работ конца 1950-х гг., — надеялись охватить своим вниманием широкие слои трудящихся женщин, оторвать их от участия в революции. Пропаганда феминисток создавала опасность подчинения отсталых и неорганизованных работниц влиянию буржуазной идеологии»⁹.

³ Любимова С.Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967; Бочкарёва Е., Любимова С. Светлый путь. Коммунистическая партия Советского Союза — борец за свободу, равноправие и счастье женщины. М., 1967.

⁴ Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 103.

⁵ Неволлина В.С., Орлова В.П. О международной женской социалистической конференции в 1915 г. Документы ИМЛ при ЦК КПСС // Исторический архив. 1960. № 4. С. 106–125.

⁶ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957.

⁸ Астрахан Х.М. О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец // История СССР. 1965. № 5. С. 93–94.

⁹ Сердитова С.Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. — февраль 1917 г.). М., 1959. С. 22.

Американские и британские учёные давно заметили, что в СССР слабо изучена история русского либерализма¹⁰, о деятельности же связанных с ним женских организаций и вовсе ничего неизвестно. После 1977 г., когда в США вышел первый сборник статей, посвящённый «женской истории» России, там же, за рубежом, с завидной регулярностью стали появляться исследования по проблеме женского протестного движения в нашей стране¹¹.

Самым лучшим из них, бесспорно, и сегодня остаётся труд американского историка Р. Стайтса¹². В этой книге, основанной на архивных документах, отчётах российских женских пролетарских, феминистских организаций, трудах их лидеров, описаны события, происходившие перед Первой мировой войной и во время революции 1917 г.

Практически одновременно с публикацией в США книги Стайтса малоизвестный советский сборник напечатал статью З.В. Гришиной о деятельности «Союза равноправности женщин»¹³. В литературе тех лет любые попытки интеллигенции создавать не связанные с большевиками женские организации оценивались негативно¹⁴. Однако Гришина показала перспективность целенаправленной работы женщин по защите своих интересов. Автор рассмотрела задачи и состав «Союза...», решения его съездов, взаимоотношения с политическими противниками, а также работу других политических союзов либерального толка по улучшению быта женщин (Женской прогрессивной партии, Российского женского взаимно-благотворительного общества). Впервые советские читатели узнали о том, что ещё до большевиков и «Великого Октября» в стране обсуждались вопросы доступности для женщин университетского образования и освоения любых профессий.

Особо отметим, что в конце 1950-х гг. росло число работ, особенно кандидатских диссертаций, где протестное движение женщин в России было представлено как «составная часть революционного движения рабочего класса», воплощавшегося в силу под руководством большевистской партии¹⁵.

В целом же тема идейной и организационной значимости феминистской составляющей в российском эмансипационном движении не была востребована

¹⁰ Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии М., 1970. С. 55–93.

¹¹ Women in Russia / Ed. D. Atkinson and others. Stanford (Calif.), 1977; *Ruthchild R.* The League of Equal Rights for Women // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze (Fl.), 1981. Vol. 1(19). P. 88–92; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia (1900–1917). Stanford (Calif.), 1984; *Engel B.A.* Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge, 1986; *McDermid J., Hillyar A.* Midwives of the Revolution. Female Bolsheviks and Worker Women in 1917. L., 1999.

¹² *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Femenism, Nigilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton (N.J.), 1978. Перевод книги опубликован четверть века спустя (*Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004).

¹³ *Гришина З.В.* Союз равноправности женщин (1905–1908) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М., 1977. С. 255–272.

¹⁴ *Строкова И.Х.* Женщины Самарской губернии в первой русской революции // Большевистские организации Поволжья в революции 1905–1907 гг. / Под ред. В.А. Степанова и др. Куйбышев, 1977.

¹⁵ Женщины в революции. М., 1959; *Конкина Е.И.* Деятельность большевиков по вовлечению женщин-работниц в массовое революционное движение 1910–1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1974; Идеино-политическая борьба и некоторые проблемы женского движения. М., 1981; *Денисов А.Г.* Деятельность большевистской партии по развитию пролетарского женского движения в России: июль 1914 – февраль 1917 г. (По материалам Центрального промышленного района и Петрограда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; и др.

в СССР до тех пор, пока не появился научный запрос на изучение истории формирования гражданского общества в дореволюционной России. Это стало возможным лишь с середины 1980-х гг. в связи с набиравшей в то время вес концепцией либеральной альтернативы общественного развития страны и, соответственно, необходимостью пересмотра всего российского прошлого. Тогда возникла потребность в «смене теоретической и методологической матрицы, в рамках которой выполнялись предшествующие исследования»¹⁶.

Воспользовавшись в 1990-е гг. открывшейся возможностью критики прежней концепции истории освободительного движения в России, С.Г. Айвазова, а также О.А. Хасбулатова и Н.Б. Гафизова¹⁷ обратились к реконструкции истории российского женского протестного движения, став первыми, кто решился на осторожную реабилитацию понятия «феминизм» и его производных.

Справедливо указав на замену проблемы решения «женского вопроса» задачами участия «женских масс» в социалистическом строительстве и общественно-политической жизни России в 1914–1917 гг., Хасбулатова и Гафизова открыли пути к изучению ранее не рассмотренных аспектов темы — периода до и во время Первой мировой войны, революции 1917 г. Они не обошли вниманием разные типы женских организаций, прежде всего связанные с либеральными партиями и проповедовавшие идеи незыблемости индивидуальных прав и свобод человека. Российская историография пополнилась исследованиями, где впервые были показаны особая роль женщин в революционном процессе начала XX в., их взаимодействие с различными политическими союзами и движениями, в том числе зарубежными.

В начале 1990-х гг. появились и первые публикации, авторы которых обратились к истории русского суфражизма — борьбы за избирательные права, ввели в научный оборот источники, позволившие признать получение россиянками этих прав ещё в марте 1917 г.

На факте получения женщинами России избирательных прав при Временном правительстве акцентировала внимание И.И. Юкина¹⁸, продолжив изучение темы феминистской альтернативы в освободительном движении¹⁹.

¹⁶ *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация программы и тактики. М., 1985; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914. М., 1991; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России М., 1996; *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* М., 1999. М., 2016. С. 3–4.

¹⁷ *Айвазова С.Г.* Женское движение в России: традиции и современность // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2. С. 121–130; *Айвазова С.Г.* Феминистская традиция в России // *Женское движение в контексте российской истории. К 90-летию Первого Всероссийского Женского съезда.* М., 1998; *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Исторические источники по проблеме формирования и развития российского женского движения // *Женское движение в России. Вторая половина XIX — начало XX в.* Иваново, 2003. С. 22–39; *Хасбулатова О.А.* Женское движение в России второй половины XIX — начала XX века: исторический опыт и традиции / Там же. С. 40–111; *Хасбулатова О.А.* Хронология женского движения в России (1859–1917) // Там же. С. 156–183; *Гафизова Н.Б.* Взаимодействие российского женского движения и международных женских организаций в конце XIX — начале XX века // Там же. С. 112–155.

¹⁸ *Юкина И.И.* Истоки женского движения в России // *Все люди — сёстры.* Бюллетень Петербургского центра гендерных проблем. СПб., 1993.

¹⁹ *Юкина И.И.* Доктор Шабанова // *Харизматические личности в истории России.* СПб., 1997; *Юкина И.И.* Ольга Шапиро — идеолог российского феминизма // *Из истории женского движения в России.* Вып. 2. СПб., 1998; *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007; и др.

Менее изученными оставались вопросы, связанные с историей женской повседневности, быта, особенно в годы Первой мировой войны. Позже к ним обратился Ю.И. Кирьянов, проанализировав протесты низших социальных слоёв — рабочих, крестьян, горожан среднего достатка («бабьи бунты», столкновения с полицией, стачки) — из-за возникшей дороговизны, нехватки продуктов и товаров первой необходимости²⁰.

Хотя женщины в России составляли половину населения страны (на 1 января 1914 г.— 89 022 200 человек)²¹, нужды и чаяния их жизни практически историков не интересовали. Это было связано в том числе и с тем, что цели общественного прогресса страны определяла её ничтожно малая по численности интеллектуальная элита (согласно наблюдениям и подсчётам, всего 1.2–1.5% населения)²². К ней, как выяснилось в 1990-е гг., относились и теоретики женского движения, основательницы его первых организаций. Помогая созданию клубов, союзов и групп, они усиливали влияние общественно-политических сил, желавших реформирования, а то и революционного переустройства государственной системы, что касалось миллионов женщин — работниц, крестьянок, солдаток (последним была посвящена книга П.П. Щербинина)²³.

Бедственное положение основной части женского населения страны до и во время Первой мировой войны представлено в исследованиях по истории женской благотворительности (работа женщин в Земском союзе, Союзе городов, Красном кресте). По мнению Г.Н. Ульяновой²⁴, представительницы средних городских слоёв, дворянки, заботились о детях из беднейших пролетарских семей (создавая ясли и детские сады), инициировали через земские и городские организации получение работы для своих низкооплачиваемых современниц, открывая для них швейные и картонажные мастерские. В годы войны в губернских, уездных городах и крупных сёлах увеличилось число «дамских комитетов», занимавшихся благотворительностью²⁵, которая и стала «полем деятельности» женских организаций.

Если советская историография связывала выступления женщин во время войны и революции 1917 г. только с пропагандой радикальных политических партий, то с 1990-х гг. у российских историков возникло желание разобраться в этом вопросе подробнее. К сожалению, женские объединения рассматриваемого периода оказались вне исследования А.С. Тумановой (одна из лучших в новейшей историографии работа о российских общественных организациях)²⁶. Поэтому по-прежнему остаётся открытым вопрос: только ли большевистская пропаганда выступала триггером «бабьих бунтов»? Бесспорно, обсуждавшийся создательницами первых женских организаций «женский вопрос»

²⁰ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 133–136, 140–145, 209–212.

²¹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 22.

²² Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32.

²³ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004.

²⁴ Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 446–468.

²⁵ Щербинин П.П. Указ соч. С. 466.

²⁶ Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014.

изначально не мог быть понятен простым работницам и крестьянкам (впрочем, как и размах самого движения), что более характерно для урбанизированной и «образованной» страны.

Не случайно современные исследователи периода войны и деятельности Временного правительства почти ничего не пишут о каких-либо проводимых тогда реформах или принятых нормативных актах, касавшихся положения женщин в России. Царская бюрократия не считала нужным «включать» эту часть населения в свои программы (исключением стали распоряжения о выдаче пособий семьям участников войны)²⁷. В законах и подзаконных актах Временного правительства женщины вообще не упоминаются, хотя известно, что они тогда получили избирательные права²⁸.

В посвящённой Учредительному собранию книге О.Н. Знаменского²⁹ — одной из лучших по его истории в советское время — «женский вопрос» тоже «затерялся». Такое положение немного «исправил» Л.Г. Протасов³⁰, но уже много позднее. В его книгах энциклопедического характера представлен образ российской революции, объяснён её финал, дана информация о судьбе лидеров интеллектуальной элиты революционного и либерально-демократического женских движений.

В силу особенностей исторического развития России первыми её партиями стали наиболее левые и оппозиционные и прежде других — социал-демократическая, защищавшая интересы лиц наёмного труда. Однако сначала были созданы непролетарские женские организации, и только через 5–6 лет — объединения работниц (образовательный уровень которых был намного ниже, чем у мужчин-рабочих). Их организаторами являлись женщины — члены социал-демократической партии, состоявшие в ней, как правило, вместе с мужьями и совместно занимавшиеся революционной пропагандой и агитацией. Хотя процент подобных союзов в общем протестном движении был незначителен, их активная деятельность влияла на простых работниц сильнее (особенно в обеих столицах при Временном правительстве), чем призывы к равноправию, звучавшие со стороны более многочисленных женских либерально-демократических организаций.

Последние, конечно, легально «оформляли» стремление людей к демократии, гражданскому обществу с его идеями справедливости, значимости каждой личности, независимо от пола, но для неграмотных работниц и крестьянок подобные требования казались лишь абстракциями. Поэтому, справедливо считает Хасбулатова, женским либеральным организациям нужно было проявить исключительную политическую гибкость как в отношении органов государственной власти и других партий, так и женщин, стремившихся к свободе и получению гражданских прав³¹.

Перед российскими историками времён перестройки, рубежа XX–XXI вв., изучавшими общественную жизнь страны со всей её «многопартийностью

²⁷ Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. В 4 т. Т. 3. М., 2016. С. 346.

²⁸ Там же. С. 361–404.

²⁹ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Из истории создания и крушения. Л., 1976. С. 127–140.

³⁰ Протасов Л.Г. Женщина и Всероссийское Учредительное собрание // От мужских и женских к гендерным исследованиям. Материалы международной научной конференции, 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2001; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997.

³¹ Хасбулатова О.А. Женское движение... С. 101–103.

и многогранностью», возникла задача — сделать женские либеральные организации «видимыми». Одной из таких организаций (и едва ли не самой заметной) была в мае 1905 г. созданная и поддержанная Международным женским советом Российская лига равноправия женщин (Лига равноправия; впоследствии её название менялось). На её съезды в годы Первой мировой войны собиралось до 1 тыс. женщин. Сохранявшееся же тогда между членами лиги и женщинами-социалистками несоответствие было, по существу, разрывом между рабочими и интеллигенцией, корни которого восходят к давнему противостоянию: «цензовое общество» — лица наёмного труда. В российском женском движении оно тоже существовало, хотя и было несколько смягчено демократизмом участниц либеральных союзов и групп.

От Февраля к Апрелью 1917 г.: «женский фактор» российской общественно-политической истории

Реконструкция событий, начавшихся в России в феврале 1917 г. и закончившихся роспуском Учредительного собрания и ликвидацией всех женских организаций (январь 1918 г.), достойна специальной монографии. Мы лишь обобщим наработки российских и зарубежных исследователей, обозначив реперные точки воздействия «женского фактора» на политическую историю страны в годы войны и в ходе революции.

Объясняя причины возникшего в феврале 1917 г. революционного взрыва, советская историография в 1920-х гг. «ставила» на агитацию большевиков в «женский день» (Международный женский день 23 февраля, или 8 марта по новому стилю). Однако это было случайным совпадением в цепочке сложившихся в те дни обстоятельств. Массовым выступлением и ранее способствовала организация собраний, посвящённых дню солидарности женщин в борьбе за свои права. В России с 1913 г. социал-демократы отмечали его ежегодно — в разных городах, в зависимости от «полицейских условий», организовывали собрания и демонстрации.

Проводившуюся среди женщин Петрограда в самом начале 1917 г. агитационную работу Бурджалов³², например, представил в качестве деятельности «Женского кружка», где с работницами занимались «большевички и межрайонки» (этот вопрос был подробно исследован в 1970-х гг.)³³.

Социалисты приступили к распространению среди женщин листовок (в том числе с призывами к демонстрациям) на рубеже 1916—1917 гг.³⁴, а в канун 23 февраля 1917 г. «в помощь пропагандисткам» уже были подготовлены составленные подпольным Выборгским РК РСДРП тексты на тему: «Война и дороговизна». Их читали работницам, близким к революционному подполью. Тогда же этот комитет назначил ораторов, которым предстояли выступления на собраниях и митингах.

Бурджалов первым из исследователей подверг сомнению миф о том, что в те дни главной причиной массовых выступлений петроградских женщин стали перебои в доставке хлеба в рабочие районы столицы. Воздав должное «тысячам женщин», активность которых способствовала развёртыванию революции, он

³² См.: Бурджалов Э.Н. Указ. соч.

³³ См.: Конкина Е.И. Указ. соч.

³⁴ Дажина И.М. Большевистские листовки в России периода Первой мировой войны и Февральской революции. Опыт источниковедческого анализа сводной таблицы документов. М., 1981. С. 59, 75, 94, 105, 106, 108, 109, 115, 119, 120, 125, 130, 141, 147, 149, 155, 156, 160, 166, 167.

подчеркнул и то, что отмечало в своей листовке от 2 марта 1917 г. Бюро ЦК РСДРП: «женщина приняла на свои плечи небывалые тягости», на улицы её привели «сердечная боль за близких, взятых на войну» и «боль за голодных детей». Всё это, созвучное мнению «петроградской публики»³⁵, способствовало стремительной ликвидации старых порядков и триумфу «бунтующей массы» в феврале 1917 г.³⁶

Американский исследователь Д. Мандель считает, что если до Первой мировой войны женщины оказывали даже «сдерживающее влияние на общественную активность мужей»³⁷, то теперь из-за ухудшавшейся в стране обстановки начались их собственные антивоенные протесты. Это подчёркивается в некоторых новейших работах. В первые дни революции, например, работницы-солдатки Металлического завода заявляли: «Наших мужей на фронте бьют, а мы здесь день и ночь маемся. Довольно терпеть. Объявим всеобщую забастовку!»³⁸.

Можно найти массу подтверждений этого в источниках, если оценивать политическое демонстрационное движение не как проявление «бунтующей массы», а как свидетельство «стихийной сознательности». Согласно дневнику градоначальника А.П. Балка, где в донесениях приставов был представлен ход событий в решающие дни Февраля 1917 г., солдаты и казаки, посланные «на усмирение беспорядков», действовали вяло, будучи урезонены работницами — успешными «переговорщицами»³⁹.

Каждое новое исследование на эту тему даёт сегодня дополнительный фактический материал, увеличивая тем самым представление о роли и силе участниц демонстрационных шествий, ставших той поворотной точкой в развитии событий, с которой началось присоединение армии к народу.

Рухнул и такой оплот царизма, как казаки — обычно верная полицейская служба для подавления массовых выступлений. Когда столкновение с казаками казалось неотвратимым, избежать его помогли обратившиеся к ним работницы: «Здесь голод, непомерный труд, обиды, оскорбления, издевательства. У вас тоже есть матери, жёны, сёстры, дети: мы требуем хлеба и прекращения войны!». Они предлагали казакам «курево», уговаривая их: «Кончим войну, и вы поедете домой!». Казаки бросались в стороны, сливались с шествием, где люди их встречали криками «Ура!» и т.д. Это и была эмоциональная сторона движения⁴⁰.

Самоотверженность женщин буквально проступает в текстах очевидцев событий. Отмечена она и в мемуарах Л.Д. Троцкого: «Они шли на кордоны солдат смелее, чем мужчины, хватались за винтовки, просили, почти приказывали: “Бросайте оружие, присоединяйтесь к нам!”». Автор сокрушался, что женщины не соблюдали «сдержанность и дисциплину»: «Несмотря на все директивы, бастующие женщины на нескольких фабриках бастовали»⁴¹. Большевик В.Н. Каюров сетовал на то, что работницы не вняли призывам к «сдержанности» и «всё же объявили забастовку». Подобные высказывания в советской литературе

³⁵ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 119, 138; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 9.

³⁶ Петров Ю.А. Указ. соч. С. 8.

³⁷ Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.) / Пер. с англ. М., 2015. С. 38.

³⁸ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. СПб., 2014. С. 75.

³⁹ Там же. С. 73–76, 78–122, 125, 129, 133, 138–143, 151–152, 158, 168–171; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 118–122, 130, 137–138, 140–142, 147, 150.

⁴⁰ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. С. 75.

⁴¹ Цит. по: *Смайтс Р.* Указ. соч. С. 398. См. также: *Trotsky L.D.* The History of the Russian Revolution. Ann Arbor, 1964. Vol. 1. P. 109.

формировали образ «отсталой работницы», не согласной с предписаниями организаторов. В этих высказываниях — и констатация стихийности движения. Социалистические лидеры не предполагали, что выступления женщин станут катализатором революции.

Среди работниц (в 1916 г. на промышленных предприятиях Петрограда их было не менее 50 тыс.) вели агитацию профессиональные революционерки, которые ещё до войны занимались пропагандистской деятельностью в рабочих клубах и больничных кассах. Вслед за мужьями они входили в ряды столичных нелегальных партийных организаций, участвовали в стачках, проходивших в разных губерниях страны (ещё до войны шло становление женских социальных и политических движений и в провинции⁴²), выступали на международных социалистических конференциях (А.М. Коллонтай, А.И. Елизарова, К.Н. Самойлова и др.).

В книге И.П. Лейберова названы более 30 участниц восстания в Петрограде, среди них большевички — Н.Ф. Агаджанова, Т.Г. Толмачёва (её муж, большевик, погиб в те дни), межрайонки — А.М. Иткина, Б.А. Ратнер и др.⁴³ Они проводили собрания на предприятиях, увлекая народ на демонстрации.

Прав был Стайтс, утверждавший полвека назад, что «не имели себе равных» научные руководители, нацеливавшие сотни своих дипломников и аспирантов на сбор в партийных архивах уникального материала — о большевистской работе в массах. Можно только сожалеть, что эти «доказательства», собиравшиеся буквально по крупицам (с должной критикой «природной контрреволюционности» либералов и «соглашательской сущности» эсеров и меньшевиков)⁴⁴, сегодня не востребованы. Кроме того, из вышедших в 1990-е гг. справочников, посвящённых политическим деятелям России 1917 г., «пропали» многие имена наиболее активных участниц революции⁴⁵, а вместе с ними — и «живая событийная ткань», которой недостаёт сегодня в историографии восстания в Петрограде.

Всматриваясь в фотографии тех дней, мы видим «море людей», большинство которых — женщины в головных платках, здесь же — растяжки с лозунгами: «Хлеба!», «Долой монархию!», «Да здравствует республика!», «Долой войну!». Демонстрации маскировали социальную поляризацию, создавали почву для сближения женщин разных политических ориентаций. Но антивоенный лозунг «отделял» работниц (женщин-тружениц) от тех демократок, которые протестовали с позиций ярко проявившегося «революционного оборончества», совпадавшего с политикой парительства.

С первых дней революции к работницам стали присоединяться поддерживавшие их городские демократические слои, женщины-служащие, студентки учебных заведений. Вероятнее предположить, что в тех демонстрациях участвовали и лидеры женских либеральных союзов, Лиги равноправия, Женской прогрессивной партии, связанные с женскими учебными заведениями, служащими почты, телеграфа и других учреждений. В массовом движении они усиливали интеллектуальную

⁴² *Петайкина М.В.* Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900—1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009.

⁴³ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 43—52.

⁴⁴ *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 411.

⁴⁵ См.: Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993 (из более 300 названных имён только 4 — женские).

составляющую протеста. Начался медленный процесс не только «переформатирования партийного пространства»⁴⁶, но и всего общества.

Представить настроения многих образованных женщин (членов различных групп, клубов и союзов либерального толка) поможет обращение к взглядам и поведению некоторых их современниц в дни восстания в столице. Скажем, известная деятельница кадетской партии С.В. Панина, до войны занимавшаяся главным образом благотворительной деятельностью, не осталась в стороне от революционных событий. Ещё в 1915 г. она создала Биржу труда в Петрограде, материально поддерживала Земский союз (мать Паниной, будучи во втором браке женой кадета И.И. Петрункевича, субсидировала начинания дочери из средств, доставшихся ей по наследству от первого мужа, миллионера-промышленника из рода Мальцовых). Полицейские в донесениях именовали Панину «красной графиней», ошибочно приписывая ей связь с большевиками.

К началу критических событий 27 февраля в Государственную думу прибыли Панина и её единомышленница А.В. Тыркова (деятельница русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии, писатель и критик, работавшая с начала Первой мировой войны во Всероссийском союзе городов как организатор санитарных отрядов). Обе критично высказались в адрес растерявшихся «народных представителей», призвав их обратить внимание на подходивших к Таврическому дворцу солдат: «Идите к ним, возьмите их в свои руки, иначе это может вылиться в солдатский бунт». 28 февраля Тыркова вошла в Продовольственный комитет, созданный «для нужд дня»⁴⁷, впоследствии была избрана гласной городской думы (выбранной представительницей с правом решающего голоса). Как все либералы, она думала, что в политике надо «считаться с государственностью»⁴⁸, но при этом полагала, что женщинам в стране нужен не только «хлеб» (как синоним улучшения тяжёлого материального положения в годы войны), но и равноправие, полученное легальным, мирным путём. «Хлеб» будет, считала Тыркова, лишь в случае влияния женщин на правительство, которое к тому времени уже полностью изменило и свой состав, и политический курс.

Вопрос о государственном устройстве был отнесён «к компетенции Учредительного собрания» 3 марта 1917 г., на следующий день после создания Временного правительства и в первом его документе — «Декларации»⁴⁹. Тогда к новому министру юстиции А.Ф. Керенскому обратилась небольшая группа учительниц и курсисток с заявлением: «Женщина-гражданка, женщина, шедшая в освободительном движении рука об руку с мужчиной, имеет право на участие в решении дальнейшей судьбы нашей родины, имеет право быть членом Учредительного собрания»⁵⁰. Так была открыта новая страница в политической истории страны — началась легальная борьба женщин России за получение избирательных прав. Однако председатель Временного комитета членов Государственной думы М.В. Родзянко как лицо причастное в тот момент к первым шагам в работе

⁴⁶ Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России... С. 35.

⁴⁷ Думова Н.Г. Кадетская партия в годы Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 51, 94–96, 130, 154, 184.

⁴⁸ Утро России. 1915. 6 июня.

⁴⁹ От Временного правительства // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 3 марта. № 7.

⁵⁰ Женский вестник. 1917. № 3. С. 41.

правительства принял это заявление, но пренебрежительно отнёсся к нему, что произвело на «женщин-гражданок» неприятное впечатление.

Тем не менее этот документ был доработан на состоявшемся 4 марта собрании членов Лиги равноправия и Русского женского взаимно-благотворительного общества. Врач П.Н. Шишкина-Явейн (с начала войны — председатель лиги) и небольшая группа представительниц женских организаций передали в правительство принятую на собрании резолюцию, содержащую требование рассмотреть вопрос о получении женщинами полноценных политических прав при выборах в Учредительное собрание.

9 марта аналогичное «заявление» на имя председателя Временного правительства подал и Петроградский клуб Женской прогрессивной партии. Одновременно Петроградское общество женщин-юристок обратилось ко второму «источнику власти» — Совету рабочих и солдатских депутатов с просьбой разъяснить: подразумеваются ли права женщин, когда речь идёт о всеобщем избирательном праве? Они получили утвердительный ответ.

В численном отношении женские либеральные организации были небольшими (несколько сотен членов), но их влияние на средние городские слои, особенно в Петрограде и Москве (прежде всего в женских учебных заведениях), стало довольно заметным. Текущие события оказались столь значительны, что их не могли оставить без внимания различные женские издания: например, далёкий от политики «Журнал для женщин» выпустил тематический номер «Женщины и революция».

В дальнейшем среди депутатий, договаривавшихся с Временным правительством, были либералки-феминистки и социалистки, принявшие поддержанный немалой частью меньшевиков и эсеров оборонческий лозунг «Война до победы». Это непролетарское демократическое крыло женских объединений возглавляли женщины-врачи — П.Н. Шишкина-Явейн и М.И. Покровская (председатель петербургского филиала лиги). В составлении обращений к Временному правительству чаще всего были задействованы близкие по взглядам к кадетам А.М. Калмыкова, С.В. Панина, А.В. Тыркова, Е.Д. Кускова, Е.Н. Щепкина-Куперник, Л.М. Горолиц-Власова. Этих организаторов депутатий поддерживали сотни человек, вовлечённых в женское движение: сотрудницы Кооперативной телефонной станции, студентки Бестужевских курсов и Медицинского института. В мартовском номере «Женского вестника» в статье «Справедливость и права женщин» Покровская восторженно писала о революции: «Свобода! Россия внезапно перевернула страницу своей истории и начертала на ней “Свобода”! Сколько обаяния заключается в этом слове для русского человека, которого беспощадно давил полицейский режим»⁵¹.

В те же дни оживился и социалистический фланг массового женского движения. Ещё 1 марта на заседании Петроградского комитета РСДРП Л.Н. Сталь и Б.К. Слуцкая (Вера) предложили учредить Бюро работниц и возродить издание журнала «Работница». В 1908 г. близкая к Коллонтай Слуцкая представляла большевичек на Первом Всероссийском женском съезде, участвовала в спорах с имевшими влияние на женские объединения представителями либерально-демократического движения. Вера заявила, что бюро будет независимым от РСДРП, что было вряд ли возможно ввиду его же «партийной задачи» — организовать женщин в профессиональные ячейки и начать пропаганду с «разъяснением

⁵¹ Там же. № 1. С. 3.

программы рабочей партии»⁵². Социалистический фланг не мог не спешить: вовлечение в лиги, союзы, комитеты равноправия с идеей борьбы за избирательные права происходило во многих крупных городах России — от западных губерний до Владивостока. Призывы доходили даже до Дальнего Востока: «Женщины! Собирайтесь на митинг для приветствия Временного правительства и организации Женского союза. Засияла заря новой жизни! Женщины должны принять участие в создании свободной России! Женщины, объединяйтесь!»⁵³.

Придя к власти, Временное правительство отменило смертную казнь, национальные и вероисповедные ограничения. Это дало лидерам женских демократических организаций надежду на то, что насущные проблемы страны (связанные со снабжением городов продовольствием, бедственным положением солдат на фронтах и др.) будут в скором времени решены и осталось только добиться женского политического равноправия.

По их инициативе 6(19) марта 1917 г. по улицам столицы прошли 40 тыс. женщин⁵⁴. На множестве сохранившихся фотографий и кадрах кинохроники запечатлены демонстрантки, которые несли растяжки и транспаранты, свидетельствовавшие, что именно Лига равноправия была инициатором шествия: «Война до победы!» (идея «революционного оборончества»), «Прибавка к пайку семьям солдат!», «Прибавка пайка семьям солдат, защитникам свободы и народного мира!», «Кормите детей защитников Родины!».

Из-за того что Временное правительство демонстрировало тогда нерешительность в отношении главного для женщин вопроса — о предоставлении им избирательных прав — политически активизировались Лига равноправия, Женская прогрессивная партия, редколлегии журналов «Женское дело» и «Женский вестник». В атмосфере неопределённости первых недель работы Временного правительства, ему и Петроградскому Совету было не до выполнения требований женских организаций, но резко отклонить их власть не решалась — за ними стояли массы людей. В Петрограде же продолжалось многочасовое стояние в очередях, распространялись слухи о введении хлебных карточек и установлении норм — по полтора фунта хлеба рабочим и по фунту — остальному населению.

Член «Женской лиги» О. Закута подробно описала переговоры, проходившие в те дни между представителями Временного правительства, Совета и главой Лиги равноправия⁵⁵. Шишкина-Явейн от имени тысяч демонстранток спросила у председателя Совета Н.С. Чхеидзе и председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко о судьбе давно отправленного им запроса (о предоставлении женщинам права голосовать на выборах в Учредительное собрание). Одновременно она обратилась с просьбой о его реализации к председателю-министру Временного правительства кн. Г.Е. Львову, до того проявившему в этом вопросе «завидную уклончивость».

⁵² См.: Алфёрова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 14.

⁵³ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 330.

⁵⁴ Цифра 40 тыс. демонстрантов во время, организованных в те дни повторяется и при упоминании шествий женщин 19 марта (Хасбулатова О.А. Хронология женского движения... С. 182; Юкина И.И. Русский феминизм... С. 418) и 20 марта (Стайтс Р. Указ. соч. С. 400). Эти расхождения присутствуют и в воспоминаниях, написанных в разное время.

⁵⁵ Закута О. Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин // Aspasia. 2012. Vol. 6. P. 117–124.

Утром 20 марта Шишкина-Явейн и Тыркова, пригласив для поддержки 65-летнюю В.Н. Фигнер, потребовали от петроградской городской думы предоставить им право выступить перед её депутатами, а также попросили её содействия в переговорах с Временным правительством. В тот момент к зданию городской думы на Невском проспекте стекались сотни сочувствующих — не только представительницы профессиональных женских организаций, конторские служащие, студентки, но и огромное число работниц заводских и фабричных предприятий.

К полудню людское море оформилось в широкую манифестацию, которая, как и в феврале, направилась от городской думы к Таврическому дворцу, где находилось Временное правительство. Во главе этой колонны ехала открытая машина (в ней стояли Шишкина-Явейн и Фигнер), которую сопровождали те, кто оказался у здания городской думы. Манифестацию охраняла конная милиция. Мартовское солнце освещало развевавшиеся штандарты с лозунгами: «Место женщинам — в Учредительном собрании!», «Избирательные права женщинам!», «Женщинам — все права!», «Без участия женщин избирательное право не всеобщее!» и — теперь всегда сопровождавшие выступления Лиги равноправия — «Война до победы!», «Женщины к станкам!».

К собравшимся вышли Чхеидзе и Родзянко. Обращаясь к первому, глава Лиги равноправия изложила главное требование женских организаций. Председатель Петросовета заявил: «Мы будем вместе бороться за ваши справедливо заслуженные права!». «Против кого?» — выкрикнули из толпы, но ответа не последовало. Солдаты (они влились в шествие на Шпалерной улице, когда манифестантки подходили к Государственной думе) наполнили площадь выкриками: «Долой войну!». В кабинет Родзянко решительно направилась Шишкина-Явейн, к которой присоединилась Коллонтай, только что вернувшаяся из эмиграции. Она считала, что работницы Петрограда, как и большевики, должны были поддерживать любые требования, предъявлявшиеся к правительству. После получения заверений Родзянко о возможном выполнении выдвинутых делегатками требований «переговорщицы» покинули здание⁵⁶.

При входе в Таврический дворец Коллонтай пыталась убедить Шишкину-Явейн не сотрудничать с властью, но безуспешно. На следующий день в большевистской «Правде» была опубликована заметка Коллонтай с нелицеприятной характеристикой организаторов манифестации («буржуазные барыньки-равноправки»). Главными требованиями трудящихся женщин, писала она, должны быть: «Свободы! Хлеба! Мира!», а «Учредительное собрание не клуб, ключи от которого находятся в кармане господина Родзянко. Ни он, ни Временное правительство не смогут помешать той или иной части населения их получить»⁵⁷.

Не надеясь на Родзянко, 21 марта расширенная делегация общественниц⁵⁸ вновь посетила Львова и вручила ему очередной запрос о предоставлении женщинам избирательных прав при выборах в Учредительное собрание. К тому времени большинство министров Временного правительства, поняв, что за этими шествиями и делегациями стоят миллионы, сочло правильным срочно

⁵⁶ Манифестация женщин в Петрограде // Женский вестник. Спецвыпуск. 1917. С. 9; *Стаймс Р.* Указ. соч. С. 400–401.

⁵⁷ Правда. 1917. 21 марта.

⁵⁸ П.Н. Шишкина-Явейн, В.Н. Фигнер, А.В. Тыркова, председатель Национального и член Международного женского советов А.Н. Шабанова, главный редактор журнала «Женский вестник» М.И. Покровская, А.С. Милюкова (жена лидера кадетской партии П.Н. Милюкова), А.М. Калмыкова, С.В. Панина, А.Н. Рыткевич, Е.В. Горович, М.И. Никольская (*Хасбулатова О.А.* Хронология женского движения... С. 182–183).

рассмотреть «женский вопрос». Поэтому Львов вышел к делегации и сообщил, что её заявление не вызывает разногласия среди членов правительства, и оно «ратифицирует» положение о выборах в Учредительное собрание с соответствующими изменениями. Согласно этому положению в «Декларации» от 3 марта 1917 г., подтверждённой обращением Временного правительства «К гражданам России» от 6 марта, все лица «независимо от пола, достигшие 20 лет», могли участвовать в выборах в Учредительное собрание «на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»⁵⁹.

Но это решение не могло сильно взволновать миллионы рабочих и крестьян малограмотной аграрной страны, обычно передававших в семьях свои права мужчинам. Женщины ждали возвращения с войны тех, кто был срочно нужен в хозяйстве — и в деревне, и в городе. Тыркова с иронией вспоминала о том, как после объявления решения правительства одна из делегатов, общавшихся с Львовым, ринулась «в порыве энтузиазма» на улицу к толпе женщин, стоявших в очереди в булочную: «Поздравляю вас, гражданки! Мы, русские женщины, получаем права». Однако те посмотрели на неё «с безразличием и непониманием»⁶⁰.

Между тем решение министров о праве участия женщин в избирательном процессе, не оформленное юридически, не имело полной силы. Требовалось ещё добиться подписания и публичного оглашения такого документа. Борьба за женское равноправие продолжалась.

Общественно-политическая активность женщин в России с апреля 1917 г. до созыва Учредительного собрания

В начале апреля против Временного правительства стал активно оформляться другой фронт женского движения — во главе с большевиками. Во многих районах Петрограда формировались «женские комиссии», которые подчинялись Бюро рабочих, позиционирующемуся как общественная организация. Ещё в марте первые «женские комиссии» действовали (правда, временно) вместе с Лигой равноправия, активно предъявлявшей свои требования правительству. Но оказалось, что пути этих общественных организаций разошлись.

9 апреля у здания Таврического дворца Коллонтай выступила перед собранием солдаток и предложила направить их делегатов во «второе правительство» — Петроградский совет — для разговора по поводу получения положенных им по закону (от 12 июня 1912 г.) пособий, которых их лишили 3 марта 1917 г.

Деятельность этого направления общественного женского движения, опиравшегося на местные «союзы солдаток», оказалась весьма успешной. В некоторых губерниях в их собраниях участвовало до 400 и более женщин, выражавших недоверие общественным правительственным комитетам. Коллонтай предложила во всех попечительствах городов избирать «делегатов» на совещание в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов⁶¹.

Для поддержки делегации в назначенное время 11 апреля 1917 г. к Таврическому дворцу явилось несколько тысяч солдаток. Одна их часть прошла в зал заседаний Государственной думы, другая — с её трибуны заявила о понятных

⁵⁹ Реформы в России с древнейших времён... С. 370—371; *Смйтс Р.* Указ. соч. С. 402 (слова: «независимо от пола, достигшие 21 года» были им взяты из печатных изданий того времени).

⁶⁰ *Тыркова-Вильямс А.В.* Освобождение женщины. Пг., 1917. С. 15.

⁶¹ *Шербинин П.П.* Указ. соч. С. 474—475.

миллионам семей требованиям: увеличении продовольственного пайка до 20 руб., уравнивании прав солдаток с офицерскими жёнами и др. С этого момента ряд Советов приступил к рассмотрению вопросов, связанных с организацией помощи солдатским жёнам⁶².

Многие женские организации, следовавшие за меньшевистскими Советами, заявляли о поддержке курса Временного правительства на продолжение войны, собирали средства на нужды солдатских семей, выносили резолюции о борьбе с дезертирами⁶³.

Чтобы снять напряжённость нараставшего в Петрограде и провинции недовольства женщин, 15 апреля Временное правительство опубликовало в газетах ратифицированное им положение, но не обещанное Львовым, а иное — «О производстве выборов гласных городских дум, об участках городских управлений». В этой избирательной кампании могли участвовать все граждане, достигшие 20 лет, без различия пола.

Когда в мае начались выборы в городские думы, включение женщин в состав избирателей вызвало на местах неожиданные вопросы. Они были далеки от политики и свидетельствовали о степени готовности населения принять новые законы: например, «вносятся ли в списки избирателей в городское общественное самоуправление проститутки», «могут ли послушницы женского монастыря принимать участие в выборах городских гласных»? В губерниях с преобладанием сельского населения деревенские мужики отказывались участвовать в выборах в волостное земство, пока рядом «присутствовали» женщины. А в некоторых поселениях последних вообще не допустили к земским выборам⁶⁴.

Представители новой высшей власти, не являвшиеся противниками предоставления женщинам широких избирательных прав и допуска их к голосованию в Учредительное собрание, конечно, не отказывались выполнять требования, которыми были одержимы все российские женские либеральные организации. Но в отличие от старых западноевропейских демократий, в России не оказалось крупных политиков, убеждённо выступавших «за» предоставление женщинам избирательных прав. Министры Временного правительства, руководители Петроградского совета не были врагами суфражизма, даже лидер кадетов П.Н. Милюков, сначала выступавший «против», изменил свою позицию. Родзянко рассуждал так: предоставление избирательного права женщинам — акт положительный, потому что характеризует государство, считающее себя прогрессивным (эта тема постоянно присутствовала в документах множества партий за рубежом, особенно — социалистических). Он считал возможность предоставления женщинам гражданских прав способом заручиться их поддержкой в вопросе об отношении к событиям на фронтах⁶⁵. Но потребовался ещё не один месяц, чтобы этот вопрос в 1917 г. был решён окончательно.

Авторитет российских женских организаций рос благодаря их поддержке со стороны Международного женского совета. К тому времени Русское женское взаимно-благотворительное общество было переименовано в Национальный совет, а Лига равноправия (по инициативе

⁶² Карпецкая Н.Д. Работницы и Великий Октябрь. Л., 1974. С. 56–57.

⁶³ Женский вестник. 1917. № 9–10. С. 112.

⁶⁴ Ворошилова С.В. Женские общественные организации начала XX века и борьба женщин в России за гражданские права // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 92.

⁶⁵ Stoff L.S. They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence (Kansas), 2006. P. 74–76.

Шишкиной-Явейн) — в Республиканский Союз демократических женских организаций, однако это название не утвердилось в России. Программа данной организации, по-прежнему именовавшейся Лигой равноправия, включала общие требования принятия рабочего законодательства, осуществления реформ — аграрной и социальной (в частности, защиты материнства и детства). Вскоре стараниями этих организаций российские женщины-юристы получили право заниматься адвокатской практикой и являться присяжными поверенными.

В мае 1917 г. Шишкина-Явейн и член той же Лиги равноправия Е.А. Амосова были включены (благодаря поддержке Милюкова) в состав Особого совещания (83 человека), готовившего проект документа о выборах в Учредительное собрание. Результатом деятельности совещания стало «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание». 20 июля 1917 г. его утвердило Временное правительство (в период июльского политического кризиса власти, 2–23 июля).

Тогда на фоне провала июньского наступления русской армии на Юго-Западном фронте произошло усиление альянса женских либерально-демократических организаций с правительством. Армия разваливалась, в ней активизировались антивоенные настроения, росло дезертирство. В этих условиях в России возникли женские военные соединения, история которых подробно описана сегодня⁶⁶. Хотя это тема отдельной статьи, но, тем не менее, напомним, что всё началось с идеи Родзянко — создать женские подразделения во имя укрепления патриотического духа войск. Она не была нова ни для столичного общества, ни для военных, так как имела место и до Первой мировой войны. На этот призыв откликнулись представительницы разных социальных слоёв — дети известных богатых семей, выпускницы университетов, горожанки среднего достатка и крестьянки. Только в Москве в женские батальоны записались около 1,5 тыс. человек; к осени 1917 г. такие соединения насчитывали до 5 тыс. «Подъём духа феминизма», по оценке Тырковой, был выражением «разочарования тысяч женщин в пагубном ослаблении мужской силы» и её «неспособности выиграть войну»⁶⁷.

Эти батальоны делали видимыми новые права и обязанности женщин как равноправных гражданок. Для правительства во главе с А.Ф. Керенским было важно, что такую российскую инициативу положительно оценили союзники (британский премьер Д. Ллойд-Джордж и др.). Когда во 2-м коалиционном правительстве Керенский стал министром-председателем и военным и морским министром, наличие женских батальонов в русской армии явилось поводом для аккумуляции средств на военные нужды у стран-союзниц.

Положение (дополненное) о выборах в Учредительное собрание стало законом 11 сентября 1917 г., во время появления Директории (возникла после выступления генерала Л.Г. Корнилова и распада 2-й коалиции при

⁶⁶ *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 341, 384, 403–406, 408–409; *Сенин А.С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 г. // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 176–182; *Васильев М.В.* 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года // Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой: Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию юбилею Первой мировой войны. Калининград, 2014; *Edmondson L.* Women's Rights, Gender and Citizenship in Tsarist Russia, 1860–1920: the Question of Difference // *Grimshaw P., Holmes K., Lake M.* Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives. Basingstoke, 2001. P. 160.

⁶⁷ Тыркова-Вильямс. Речь. 1917. 3 июня. С. 3 // *Documents of Russian History, 1914–1917* / Ed. F. Golder. N.Y., 1927. P. 422.

министре-председателе Керенском; она состояла из пяти министров Временного правительства и работала до 24 сентября). На страницах либеральной прессы введение женского избирательного права оценивалось как инновация, достижение, достояние «очень многих государств-пионеров в области культурных достижений»⁶⁸. В списке стран, допустивших женщин к голосованию на равных правах с мужчинами, Россия оказалась шестой в мире — после Новой Зеландии (1893), Австралии (1902), Великого княжества Финляндского (с 1906 г.), Норвегии и Дании (1913) и первой — среди крупнейших держав Европы и США (где аналогичный процесс только начался).

Это стало важным демократическим прорывом в России, примером успешной борьбы за политические права женских общественных организаций, проявлением «демократии классического либерализма», движением за «свободу и ограждение её от государственной тирании»⁶⁹. Но идеей продолжения войны Лига равноправия и другие близкие к ней женские демократические организации тесно связали себя с деятельностью эсеров и кадетов. В политической жизни России острейшим оставался вопрос особой социально-экономической и политической значимости — о войне и мире, и большевики не собирались ждать, пока его решат кадеты, меньшевики или Временное правительство.

Ещё с апреля 1917 г. данный вопрос всё чаще возникал при столкновениях разных политических направлений в женском движении. 7–8 апреля в Москве проходил Всероссийский делегатский женский съезд, организованный представительницами Лиги равноправия и связанными с ней женскими демократическими организациями. На этот форум прибыла и группа работниц во главе с И.Ф. Арманд. Изложив взгляды большевиков, в том числе и на «оборончество», она дала понять, что далее работницам не по пути с теми, кто защищает идею продолжения войны. Затем Арманд и её сторонницы покинули съезд⁷⁰.

Однако социал-демократы, выступавшие за «освобождение женщин от всякого рабства», не сразу подтвердили это делом: среди более тысячи делегатов I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.) было всего 12 женщин⁷¹.

В Петроградском промышленном округе ещё до 1917 г. число женщин-работниц составляло более 43% общей численности лиц наёмного труда, в Московском округе — 72%. Хотя эта статистика была неизвестна лидерам левых партий, но они прекрасно знали о том, как изменилось «рабочее лицо» городского населения.

Заинтересованные в массовой поддержке пролетариата большевики проявляли повышенный интерес к женскому движению, делали всё возможное, чтобы уменьшить влияние феминистских организаций, выдвигая их же социальные требования: охраны труда женщин, расширения возможностей образования, организации семейного быта и воспитания детей; главным же было требование прекратить войну, ликвидировать дороговизну и безработицу⁷².

⁶⁸ Макаров А. Закон о выборах в Учредительное Собрание // Вестник Европы. 1917. Кн. 9–12. С. 328.

⁶⁹ Кураев А.Н. Риски демократических систем власти. М., 2006. С. 125.

⁷⁰ Подляшук П. Товарищ Инесса. Документальная повесть. М., 1965. С. 176–183.

⁷¹ Покровский А.С. Первый рабоче-солдатский парламент России. М., 2001. С. 16.

⁷² См.: Алфёрова И.В. Указ. соч. С. 15.

Большевики возобновили издание журнала «Работница», официальным редактором которого стала печатница с четырёхклассным образованием К.И. Николаева. Содержание журнала определяли большевички К.Н. Самойлова, А.И. Елизарова, а также Л.Н. Сталь и признанная у большевиков главной по работе среди женщин А.М. Коллонтай. Первый (после перерыва) номер «Работницы» вышел 10 мая 1917 г. Общий тираж 40 тыс. экз. и невысокая цена номера (10 коп.) сделали журнал широко доступным. Обсуждая темы войны, поставок продовольствия, защиты материнства и детства, журнал стал объединяющим центром социалистических районных женских агитационных бюро и комиссий Петрограда. Каждое такое объединение было небольшим по численности, но изложенные в популярной форме большевистские программные требования работницы легко усваивали, в том числе и принцип «равной оплаты за равный с мужчинами труд»⁷³.

Это была одна из главных идей Лиги равноправия и ей подобных организаций. Но им легче удавалось привлекать на свою сторону известных персон (В.Н. Фигнер, Е.К. Брешко-Брешковскую и др.), нежели получить признание у обнищавшей женской части населения, которая ненавидела войну и склонна была больше верить большевистской пропаганде, лозунгам немедленного прекращения боевых действий и возвращения солдат домой⁷⁴.

Сотрудницы «Работницы» не пропускали в Петрограде ни одного собрания лиги, где говорилось о «поддержке войны» (подобные обсуждения участились в сложившейся обстановке неудач на фронте)⁷⁵. Редакция журнала критиковала эту позицию. Большевики считали задачу «поднять работниц для войны с войной» вполне «назревшей». В их публикациях распространялась и даже муссировалась идея: «мира можно добиться лишь революционным путём». Это формировало у читательниц убеждение, что такой путь передачи власти Советам «был возможен и с применением силы»⁷⁶.

Патриотические же устремления феминисток не только не ослабели за несколько лет войны, но даже проявлялись с новой силой в изменившейся в России внутривойтинской ситуации. Требование «Война до победного конца!» выдвигали все либеральные женские организации. Этим русские феминистки отгородили себя от женщин-солдаток.

Противоречия между социалистками и феминистками обострились во время июльского кризиса и начавшегося тогда со стороны Временного правительства преследования большевиков. В те дни отряды юнкеров разгромили редакции большевистских газет («Правда» и др.), напали на канцелярию журнала «Работница». Ситуация выправилась лишь после 24 июля 1917 г. (было сформировано 2-е коалиционное правительство во главе с министром-председателем Керенским). Издание журнала «Работница» возобновили, и его деятельность сосредоточилась на «выездах» на собрания фабрично-заводских работниц. Статьи журнала дополнили картины повседневной жизни пролетарок, чьи мужья оставались на войне.

⁷³ П.Ф.К. О республиканском Союзе женских организаций при Лиге равноправия // Работница. 1917. № 5. С. 9–10.

⁷⁴ Стайтс Р. Указ. соч. 398–399.

⁷⁵ Карпецкая Н.Д. Указ. соч. С. 44–51; Велецкая Н.А. Партия в борьбе за женские пролетарские массы // Борьба большевиков за создание политической армии социалистической революции (март–октябрь 1917 г.). М., 1967. С. 327–328.

⁷⁶ Дилина З. Как добиться мира // Работница. 1917. № 1–2. С. 9.

Казалось, уходила в прошлое женская дискриминация, унаследованная от монархического режима. Гендерная составляющая стала заметной на высшем уровне. Панина, сменив пост товарища министра призрения и став товарищем министра народного просвещения кадета С.Ф. Ольденбурга⁷⁷, подала в правительство проект преобразования высших женских курсов в женские университеты. Их программы не должны были отличаться от программ уже существовавших вузов, где обучались мужчины. В августе 1917 г. женщинам были гарантированы равные с ними оплата труда (на всех работах) и права на замещение государственных должностей.

1 сентября Директория объявила Россию республикой. 20 сентября Демократическое совещание, начавшее работу по инициативе эсеров-меньшевистских Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, приняло решение о создании Временного совета республики (Предпарламента). В него от Лиги равноправия вошли члены партии кадетов Е.Д. Кускова — публицист и издатель, известная участница либерального движения и Л.И. Аксельрод — доктор философии, разделявшая также идеи «оборончества», в прошлом из народников.

3-е коалиционное правительство, деятельность которого с 25 сентября направляли кадеты, промышленники и собственно сам министр-председатель и верховный главнокомандующий Керенский, в демократической по форме программе декларировало своё стремление к всеобщему миру, но не скрывало решимости продолжать войну «во имя общего союзнического мира» и «изгнания неприятельских войск из пределов родной страны». Это парадоксальное противоречие не смогло ослабить революционного подъёма, на что рассчитывало правительство. К осени покупательная способность рубля упала до 6—7 коп. (в феврале она составляла 27 коп.). Голод охватил не производившие сельхозпродукты промышленные районы. От недостатка продовольствия страдала и армия. В деревнях участились карательные экспедиции.

В общей разрухе правительству было не до «солдатских комитетов», а в провинции в каждой губернии они объединяли сотни женщин и низшего, и среднего сословий. Недовольство солдаток привело к самоликвидации ряда существовавших ранее общественных организаций, в том числе благотворительных. Требуя повышения пайка, эта категория женщин всё чаще стала открыто выдвигать радикальные требования, выступать за прекращение войны⁷⁸, усугубляя раскол женского движения.

Сотни Советов рабочих и солдатских депутатов, тысячи фабрично-заводских комитетов повернулись к большевикам. На проходивших осенью 1917 г. муниципальных выборах «выдвиженки» большевиков способствовали их победе в отдельных районах Москвы, Петрограда и в тех городах центра, где численно преобладали текстильщицы (Орехово-Зуево, Глухов, Иваново-Вознесенск)⁷⁹.

Большевики напоминали женщинам во время их жарких споров относительно вопроса о войне и мире: либеральные женские организации долгие

⁷⁷ Политические деятели России... С. 240.

⁷⁸ Шербинин П.П. Указ. соч. С. 477—478.

⁷⁹ Велецкая Н.А. Указ. соч. С. 327—328.

годы были связаны с царским режимом, а теперь же они полностью доверяют Временному правительству, но не «гласу народа»⁸⁰.

Лидеры женских демократических организаций как часть интеллектуальной либеральной элиты (Лига равноправия и др.) надеялись на созыв Учредительного собрания, призванного определить в целом будущую деятельность общества, которому они собирались доверить судьбы и дела российских женщин.

Подготовка к выборам в Учредительное собрание и его созыв слились в единовременный процесс (продолжался до февраля 1918 г., центром его оставался Петроград), децентрализованный «сверху» и хаотичный «снизу» (уже после выборов некоторые деятельницы долго выясняли, избраны они на местах или нет).

Подготовка к проведению выборов в Учредительное собрание началась после завоевания власти большевиками. На II Всероссийском съезде Советов (25–26 октября 1917 г.), решавшем вопрос о власти в стране, было не более 30 женщин⁸¹. 9 ноября «Правда» опубликовала список большевиков, рекомендованных к избранию в члены Учредительного собрания. Он состоял из 26 «обязательных кандидатур» (во главе с В.И. Лениным), где значилась лишь одна женская фамилия — Коллонтай, среди 118 других — «рекомендованных» — женщин было 7; у эсеров из 58 «обязательных» кандидатур присутствовали 4 женщины⁸².

Миллионы представительниц слабого пола были равнодушны к идее выборов, официально назначенных на 12 ноября 1917 г. Большевики же, считавшие нужным легитимировать свой приход к власти, заявили, что будут бороться за каждый голос.

Тем не менее право участвовать в голосовании касалось всех взрослых россиянок, и их политическая активность была заметна не только в обеих столицах⁸³. На выборах в Учредительное собрание русские женщины старше 20 лет впервые получили возможность не только голосовать, но и баллотироваться. Это были самые свободные выборы в истории России, в которых участвовали не менее 40 млн её жителей.

Стайтс, проанализировав «Избирательный список № 7 по выборам в Учредительное собрание Лиги равноправия в Петрограде», констатировал, что «как в социальном, так и политическом отношении лига была скорее демократической, чем буржуазной». Среди 10 кандидаток 2 являлись врачами, 2 занимались литературной деятельностью (журналистка, писательница), 5 — общественной (в кооперативах и профсоюзах). По политическим убеждениям это была «смесь» феминисток, либералок и умеренных социалисток (Шишкина-Явейн, Кускова, Калмыкова, Щепкина-Куперник, Горолиц-Власова и др.)⁸⁴. Судя по некоторым данным местной статистики, женщины своей активностью на выборах в Учредительное собрание превзошли мужчин⁸⁵.

Предвыборная кампания стала «войной всех против всех». Каждая партия отстаивала свои цели. Большевикам не удалось в полной мере захватить

⁸⁰ Алфёрова И.В. Указ. соч. С. 15–16.

⁸¹ Покровский А.С. Указ. соч. С. 16.

⁸² Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание... С. 243; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания... С. 99.

⁸³ Протасов Л.Г. Женщина и Всероссийское Учредительное собрание... С. 46–54.

⁸⁴ Стайтс Р. Указ. соч. С. 410–411; см. также: Jus Suffragi (monthly organ of IWSA). 1918. March. P. 94.

⁸⁵ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания... С. 97.

контроль над образованной ещё в июле—августе 1917 г. Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание (во главе с кадетом Н.Н. Авиновым). Комиссия не поддержала Октябрьскую революцию, считая большевистский Совнарком незаконным. Межпартийная борьба продолжалась. По Невскому проезжали автомобили, с которых разбрасывались листовки, призывавшие голосовать за различные политические объединения; «скользя по первому снегу, прокатили и розвальни с укрепленными на них плакатами: «Лига равноправия женщин»»⁸⁶.

Утром 12 ноября в Петрограде возле здания городской думы, где должны были состояться выборы, собралась толпа. В одной из комнат Думы — и это явилось инициативой редколлегии журнала «Работница» — открылась конференция трудящихся женщин Петроградского района, куда пригласили представительниц разных столичных женских организаций. Это было сделано не с целью их объединения, а раскола. Кроме того, от инициаторов требовалось убедить всех присутствовавших голосовать на выборах за большевистский список.

От Лиги равноправия женщин на конференции выступила М.Г. Дорошевская (полное имя и профессия её не зафиксированы в протоколе): «Женщины везде подчинены; везде они борются за свои права. Женщины из Америки и Англии приехали сюда и полностью с нами солидарны, желают нам добра в нашей борьбе. Мужчины не могут защитить наши права, они нас не понимают». Желая привлечь внимание аудитории, Дорошевская завершила свою речь словами о том, что она не тунеядка, а «работающая мать, которую бросил муж». «И теперь, — заключила она, прося голосовать за список № 7 (Лиги равноправия), — я своим собственным трудом прокармливаю своих детей»⁸⁷. Слушали её неохотно⁸⁸.

В ответ на это выступление председатель конференции Николаева призвала голосовать за список № 4 — большевиков, представлявших интересы рабочего класса. Она заявила, что нельзя вводить себя в заблуждение относительно «кадетской Лиги за равноправие женщин» (список № 7). Обещая отстаивать права работающих женщин, её представительницы в случае своего избрания, подчеркнула Николаева, будут защищать лишь интересы богатых классов. «Мы, сознательные работницы, знаем, — констатировала редактор «Работницы», — что не должно быть отдельных женских организаций. Мы сильны лишь тогда, когда мы сорганизованы в одну братскую пролетарскую семью со всеми рабочими в борьбе за социализм»⁸⁹. Николаеву поддержала её сторонница, обратившись к набившимся в комнату «товарищам — домашней прислуге»: есть ли у них общие «интересы с барынями»? В заключение прозвучал её насмешливый вопрос: «Где была лига, когда рабочий день женщин на фабрике составлял четырнадцать часов и когда беременные женщины теряли ребёнка прямо у станка?»⁹⁰.

Точку в дискуссии поставила Коллонтай, «страстно убеждая собравшихся», что большевики смогут защитить «особые женские интересы», не прибегая

⁸⁶ Знаменский О.Н. Конец Учредительного собрания. Л., 1967. С. 55.

⁸⁷ Работница. 1918. 26 января. С. 10—11.

⁸⁸ Там же. 1917. № 13. С. 11.

⁸⁹ Там же. 8 декабря. С. 10—11.

⁹⁰ О разногласиях между большевичками и феминистками см. подробнее: Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington (Indiana), 1997. P. 36—42.

к поддержке лиги. Она заявила аудитории, что выступление «гражданки Дорошевской» в сложившихся обстоятельствах нужно лишь, чтобы увидеть в лицо «нашего врага», который мутит головы «бедным младшим сёстрам» — работницам. Все они, заверила Коллонтай, смогут достигнуть равноправия «общими усилиями пролетариата независимо от пола». С такими идеями Коллонтай выступала уже не первый год (устно и в печати), но на данной конференции, констатировал Стайтс, её речь прозвучала как «приговор русскому феминизму»⁹¹.

После проведённого голосования на выборах в Учредительное собрание в Петрограде большевики получили 424 тыс. голосов (45%), кадеты (предлагали голосовать за интеллигенцию) — 246 (26,2, т.е. оказались на втором месте, за что и поплатились через две недели роспуском партии), эсеры — 152 (16,6), меньшевики-оборонцы — 17 тыс. (3,1%). За Лигу равноправия женщин был подан всего 5 231 голос (0,5%, однако более 5 тыс. защитников женских прав — это было не так уж и мало для столицы!)⁹².

При волеизъявлении от 40 до 50 млн россиян по всей стране «вышел другой расклад». Больше всего голосов на выборах получили эсеры (39,5%), за ними шли большевики (22,5), кадеты (4,5), меньшевики (3,2%)⁹³. В данной ситуации кадеты для новой власти были не просто политическими оппонентами, а воплощением иного мировидения для почти пятой части голосовавших. Эта партия и, соответственно, женские общественные организации страны стали первой мишенью для большевиков с их стремлением к однопартийности.

Открытие Учредительного собрания 28 ноября (день, назначенный Временным правительством) было внезапно отменено декретом Совнаркома. Одновременно утром на квартире Паниной арестовали членов кадетского ЦК. Всем им как противникам революции грозил трибунал⁹⁴.

Приметы Гражданской войны, разворачивавшейся на фоне ожиданий работы Учредительного собрания, становились всё очевиднее. В такой обстановке в нём не оставалось места женским демократическим организациям. Либеральные идеи — социального реформирования и правового общества, в том числе равноправия женщин, оказывались не только утопическими, но и опасными для жизни лидеров этого движения. В итоге в члены Учредительного собрания были избраны 767 депутатов из 74 округов, в их числе — всего лишь 8 женщин (4 — от партии большевиков, 4 — эсеров).

То, что подавляющее число женщин оставалось пассивным, а процент отданных за них в выборной кампании голосов был крайне низок, объяснялось двумя причинами. Во-первых, сами политические партии предпочитали видеть даже в районных думах представителей сильного пола, а не слабого. Во-вторых, если до революции женщины («отвечающие цензовым требованиям») допускались к участию в решении экономических или социально-политических вопросов, то они традиционно передавали свои голоса «по доверенностям» родственникам-мужчинам. Хотя такие привычные ограничения были сняты в ходе выборов в Учредительное собрание, но сохранились стереотипы,

⁹¹ Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 3, 27, 23; Работница. 1917. 18 октября. С. 5—7; Стайтс Р. Указ. соч. С. 418.

⁹² Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание... Приложение. Таблица 1.

⁹³ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания... С. 47, 108.

⁹⁴ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 161—162.

ориентировавшие женщин на семью и воспитание детей, а не на участие в общественно-политической жизни⁹⁵.

В третий раз после начала Первой мировой войны в стране поменялась власть. Если в монархической России женские демократические организации, борясь за равноправие, стремились к всероссийскому объединению, а в переходный для страны период 1917 г. уже либеральные феминистки содействовали укреплению демократических основ гражданского общества и добились права участия женщин в работе Временного правительства, то с приходом к власти большевиков ситуация кардинально изменилась. Последние утратили всякий интерес к работе среди женского населения, считая, что в этой сфере все задачи были уже выполнены. В январе 1918 г. новая власть прекратила выпуск журнала «Работница»⁹⁶.

Ранее российское женское движение — и либерально-демократического, и пролетарского направлений — весьма активно взаимодействовало с другими субъектами политической жизни: партиями, общественными организациями, органами местного управления, Государственной думой, Временным правительством всех коалиций. В условиях противостояния политических партий этому движению трудно было сохранять целостность, единство позиций, преодолевать групповые противоречия и формировать общую «женскую солидарность».

Во время Первой мировой войны и в 1917 г. женское движение было одной из составляющих незавершённой российской модернизации, со всеми её противоречиями. Оно отличалось, как можно понять при чтении документов женских организаций, слабостью волевого начала, преобладанием ориентации на примирительность и поиск компромиссов. Всё это было обусловлено состоянием общества, в котором идея создания правового государства и гражданского общества находила лишь слабый отклик.

Назначать женщин на ключевые посты управления страной большевики (обещавшие это даже кухаркам) не стали. На общей фотографии того времени из всех служащих Совнаркома (33 человека) — 19 женщин⁹⁷. Но почти все они выполняли «обслуживающие» функции, как правило, это был секретариат. На основных же государственных постах в советском правительстве женщин не было (за исключением Коллонтай и управленцев малозначимого ряда — Н.К. Крупской, Л.Н. Смидович, А.И. Ульяновой-Елизаровой)⁹⁸.

Обращение к истории женских движений в России в 1914–1917 гг. позволяет не только, как считает В.П. Булдаков, «облагородить» представление о социальном протесте в то время⁹⁹, но и сделать видимыми публицистическую активность женщин, их участие в различных общественных акциях и съездах, в

⁹⁵ Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011; Крадецкая С.В. Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 3.

⁹⁶ Еженедельный журнал «Работница» как орган ЦК РДРСП(б) последний раз вышел в свет 26 января 1918 г. Издание было возобновлено лишь в 1943 г. уже как ежемесячное — ради новой политической мобилизации женщин.

⁹⁷ Красникова А.В. Мы новый мир построим! 1917 ноябрь — 1918 январь. Л., 1967. С. 19.

⁹⁸ Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 27; Тарабрина О.А. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы Гражданской войны (ноябрь 1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

⁹⁹ Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 190.

международном движении на пути к демократии и гражданскому обществу. Всё больше источников свидетельствует об участии женщин в февральских событиях 1917 г., решительно опровергая традиционное мнение о том, что это были «отсталые работницы», лишённые социальной самостоятельности в политическом движении.

История женских демократических организаций в России 1910-х гг. тесно связана с жизнедеятельностью представительниц средних слоёв российского общества. Их политические устремления были созвучны как либерально-демократическим программам (необходимый минимум прав женской личности — на свободу, справедливое судебное разбирательство, профессию и т.д.), так и особым, ненасильственным, легальным формам протеста (петиции, публичные выступления, публикации).

Новые подробности о состоявшейся в Петрограде в марте 1917 г. 40-тысячной демонстрации перечёркивают давнее представление о том, что в России равенство женщинам дали большевики; обращение же к методологическим проблемам исследования женского движения заставляет в целом по-иному оценить и теоретический феминизм, и внесённый в него вклад «дерзких и беспокойных» россиянок¹⁰⁰.

Женщины России получили избирательные права благодаря активной организаторской работе либерально настроенных членов Лиги равноправия и связанных с ней организаций. Причём особое значение имели разумная последовательность и непротиворечивость их действий, а также правильный выбор лозунгов, которые смогли «сроднить» ранее непримиримых в общем движении феминисток и пролетарок. Российское женское движение как важная составляющая переломной эпохи было частью общеевропейского стремления к демократизации политических и правовых систем государств, созданию в них гражданских обществ. К сожалению, женское «вхождение в политику» нашей страны так и не смогло остановить её от «сползания» к Гражданской войне.

При изучении роли женских объединений в российской общественно-политической жизни наравне с крестьянским, национальным, религиозным, рабочим и иными движениями их история предстаёт в новом ракурсе. Поскольку в них всегда участвовали женщины, то вопросы преодоления их бесправия возникали по ходу любой общественно-политической деятельности. Каждой из них придавали дополнительные краски женские публичные выступления — как самостоятельные, так и являвшиеся частью общего протестного потока. Ведь недовольство женщин имело «собственный голос». При всей своей внутренней противоречивости, наличии разных «крыльев» и полюсов эти протесты играли особую роль на фоне нарастания революционных настроений в стране.

Изучение прошлого женского движения и женских организаций в России 1914–1917 гг., очерченного в рамках общей истории движений социального протеста, дополняет картину общественно-политической жизни нашей страны в ту сложную эпоху. Поняв причины участия женщин в политической борьбе, особенности формирования протестного мышления самых образованных и социально активных среди них, можно не только определить глубинные проблемы отсутствия социального равенства в демократизировавшейся России, но и выявить силы и условия, способствовавшие консервации её старых порядков и режимов.

¹⁰⁰ *Пушкарёва Н.Л.* «Дерзкие и беспокойные» (у истоков феминизма в России) // Российская история. 2002. № 6. С. 52–66.